

A black and white snake with yellow markings is slithering across a stone wall and a red brick path. The snake is positioned horizontally across the middle of the frame, with its head on the left and tail on the right. The stone wall is made of large, irregular grey stones. The path is made of red bricks and is partially covered with dry grass and small plants. The overall scene is outdoors.

Андрей Ланиус

Найти то,
не знаю что...

16+

Хроники недавнего времени

Андрей Ланиус

Найти то, не знаю что...

«Автор»

2014

Ланиус А.

Найти то, не знаю что... / А. Ланиус — «Автор»,
2014 — (Хроники недавнего времени)

Роман в новеллах о расследовании преступлений и загадочных событий в темных коридорах коммуналок, старых дачах, в интерьере ресторанов, в закоулках питерских дворов-колодцев.

Содержание

Маки	5
Глава 1. НАСТОЙЧИВАЯ ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА	6
Глава 2. НЕОБЪЯСНИМЫЕ СТРАННОСТИ	9
Глава 3. ДВА ПОРТРЕТА	13
Глава 4. БЕССИСТЕМНЫЕ ПРИКИДКИ	15
Глава 5. ВИЗИТ К «КОРИФЕЮ СЫСКА»	16
Глава 6. ВАЖНЫЕ НОВОСТИ	19
Глава 7. ОСМОТР «ВАВИЛОНА»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Найти то, не знаю что...

Маки

Глава 1. НАСТОЙЧИВАЯ ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА

Позднее летнее солнечное утро минута за минутой неумолимо приближалось к тому моменту, когда над городом прозвучит выстрел Петропавловской пушки. Таких деньков, с голубым безоблачным небом и ласковым, едва порхающим ветерком в северной столице наберется едва ли два-три десятка за целый год. И каждый из них нужно ценить, как нечаянный подарок природы.

Примерно в таком ключе размышлял Петр Пережёгин, владелец-основатель и, по сути, единственный штатный сотрудник фирмы, на вывеске которой значилось: «Бюро находок».

Он стоял у запачканного белой краской окна своего кабинета, обстановка которого состояла из внушительного полированного стола, старого неподъемного сейфа, нескольких видавших виды шкафов, глубокого начальственного кресла, трех пластмассовых стульев для посетителей и рогатой вешалки в переднем углу. Ну, и, конечно, компьютера и ксерокса, как же без них. Стол был свободен от каких-либо бумаг, не считая перекидного календаря, а легкий налет пыли на ручках шкафов свидетельствовал о том, что дверцы давненько не открывали.

В свои неполные 47 лет Пережёгин выглядел вполне импозантно: подвижный здоровяк с короткой стрижкой и бритыми щеками, энергичным подбородком и ясными хитроватыми глазками уверенного в себе профессионала. Однако, будучи по натуре классической «совой», он нуждался в первой половине дня в некой медитации, дабы войти в привычную рабочую колею.

Упражнениями подобного рода для него являлись наблюдения за мелкими происшествиями, происходившими во внутреннем дворе, вид на который открывался из его окна, либо размышления на самые отвлеченные темы.

Пережёгин практически достиг желанной степени нирваны, когда в дверь нервно постучали, и тут же бабахнуло за Невой.

– Да! – ответил он, повернувшись к окну спиной.

В кабинет вошла светловолосая женщина лет за тридцать пять, миловидная и стройная. Правда, не слишком удачно подобранные очки несколько портили ее, как, впрочем, и некая печать озабоченности, проступавшая в выражении ее удлиненного лица.

На посетительнице были аккуратные темно-синие брючки и розовая кофточка с короткими рукавами. В руках она держала большой плоский пакет, закрепленный в нескольких местах кусочками скотча.

– Вы Пережёгин? – спросила она приятным бархатистым голосом и, не дожидаясь ответа, тут же воскликнула: – Вы должны мне помочь! Умоляю, вся надежда на вас.

– А что случилось? – отозвался он без особого энтузиазма.

– Если в двух словах, то вчера днем моего мужа арестовали прямо в квартире по совершенно нелепому обвинению.

– Тогда вам следует обратиться к адвокату, – посоветовал Пережёгин.

– Адвокат у мужа уже есть, причем опытный. Однако я подозреваю, что он дает мужу неправильные советы, призывает его к сотрудничеству со следствием. А ведь муж ни в чем не виноват. Но у него слабый характер, он легко поддается чужому давлению. Вот этого я боюсь. Сейчас я вам всё объясню...

– Стоп! – жестом Пережёгин дал понять, чтобы она не продолжала.

Не предлагая ей садиться, он сделал несколько шагов в ее сторону.

– Давайте я вам кое-что объясню, дабы избежать недоразумений. Итак, входя в этот кабинет, вы не могли не заметить, что на его двери висит табличка «Бюро находок». Чуть ниже, буквами помельче написано «Народный эксперт Пережёгин Петр Мефодьевич». Что это озна-

чает? А вот что. Если вы потеряли на своем дачном участке или на пляже поселкового озера золотое колечко, мы вам его найдем. Если, собирая грибы, обронили где-то в лесу связку ключей – отыщем в течение двух-трех часов. Мы может даже найти вашу пропавшую собачку при условии, что на ней имеется ошейник. Правда, искать мы будет не собачку, а ошейник, такова уж наша методика. Однако вместе с ошейником, по логике, отыщется и собачка, верно? Ну, и так далее, понимаете? Мы ищем и успешно находим утерянные вещи, такова наша специфика, – повторил он. – При этом никогда не беремся за поиски вещей, если ими, в силу тех или иных обстоятельств, интересуются правоохранительные органы. И уж, конечно, не вмешиваемся в уголовные дела. Никогда. Вы меня хорошо поняли? – сощурился он, явно намекая визитерше на то, что ей пора бы удалиться.

Но дама, несмотря на свой домашний вид, явно была крепким орешком.

– Не далее, как в феврале, я читала репортаж в одной из городских газет о том, как вы, уважаемый Петр Мефодьевич, помогли полиции вернуть картину, похищенную из музея.

Ого! Это был ход, явно рассчитанный посетительницей заранее.

Невольно Пережёгин даже загорячился, что случилось с ним крайне редко.

– Но это же совсем другой компот! – воскликнул он. – Полиция сама, понимаете, сама обратилась ко мне, как к эксперту. – Тут он совладал со своими нервами и продолжал уже спокойнее: – Вот, к примеру, есть народные целители, которые помогают людям избавиться от многих недугов. При этом сами целители, если только они настоящие, природные, никогда не выдают себя за знатоков медицины. Они интуитивно используют свой дар, понимаете? Правда, к целительству сейчас примазалась целая орда мошенников, но это уже отдельный разговор. Что касается меня, то я – народный эксперт, может, единственный в своем роде. Я никогда не учился своему ремеслу, я получил свой дар от природы. Дар этот заключается в том, что я воспринимаю свойства вещей, ощущаю те тонкие, микроскопические, порой неуловимые следы, что оставлены на них их владельцами. Бывает, ощущаю на расстоянии, правда, небольшом. При этом я не пользуюсь никакой аппаратурой, никакими хитроумными приборами. Всю необходимую оснастку природа-матушка заблаговременно разместила вот в этой коробке, – он постучал полусогнутым пальцем по своему лбу. – Повторяю, такой у меня дар. В буквальном смысле слова. Есть прирожденные мыслители, поэты, математики, мореплаватели, полководцы, зодчие, вообще мастера своего дела, и никого ведь это не удивляет. А я – прирожденный эксперт. Но только по части неодушевленных вещей и предметов, не более того. Впервые эту способность я обнаружил в 12-летнем возрасте, когда нашел сережку, которую наша соседка потеряла на волейбольной площадке. Постепенно я развил в себе этот свой дар, хотя долгое время не знал, как его применить, затем открыл «Бюро находок». Да, в отдельных случаях ко мне обращались за консультацией господы сыщики. Однако никаких официальных договоров мы не заключали, потому что мои выводы, а я еще ни разу не допустил ни единой осечки, лишены, как правило, материальной доказательной базы и не могут быть приняты во внимание судом. Вот так, милая сударыня. Извините, но ничем не могу помочь ни вам, ни вашему мужу.

– Значит, я пришла точно по адресу, – хладнокровно парировала посетительница. – Так вот, вчера вечером из нашего с мужем дома пропала картина. Она висела на стене спальни два года. Это полотно под названием «Банковский мостик» написал уличный художник Омельев. Картина не считается художественной ценностью, и не числится ни в каких каталогах. Рядовая ремесленническая поделка – уголок городского пейзажа, выполненная третьестепенным живописцем, как его называли при жизни. Два года назад Омельев погиб странной и страшной смертью. Буквально накануне трагедии он подарил эту картину моему мужу. И вот она исчезла из квартиры загадочным образом. Вы ведь не будете отрицать, что картина, особенно если она не имеет никакой материальной ценности, является ВЕЩЬЮ? Полиция, судя по всему, уверена, что вещь эта не похищена, а спрятана где-то моим мужем, который якобы симитировал

ее кражу. Вместо того чтобы искать пропажу, господа полицейские, как я полагаю, пытаются склонить моего мужа к признанию. Следовательно, поиск полотна, которое в данный момент никто не ищет, – по вашей части, и вы именно тот человек, который может мне помочь.

– Хм! А с какой это стати полиция вдруг заинтересовалась картиной никому не известного уличного живописца, вдобавок покойного?

– Для меня это еще одна загадка.

Некоторое время Пережёгин смотрел на плоский пакет, который она переложила в левую руку.

– Как я понимаю, воры удовольствовались холстом, а раму оставили хозяевам? – сощурился он.

– Не совсем так, но в пакете действительно находится рама от картины, с несколькими нитками холста, удержанными одним из гвоздиков.

– И эта рама, размеры которой приблизительно составляют 70 на 90 сантиметров, несомненно, ваша вещь... – задумчиво констатировал Пережёгин, затем встрепенулся: – Что же мы с вами стоим? Присаживайтесь, и подробно, а главное последовательно, расскажите мне вашу историю. Но сначала не худо бы познакомиться. Как я понимаю, мое полное имя вам известно. А как зовут вас, позвольте полюбопытствовать?

– Виноградова, Ирина Сергеевна.

– Что ж, Ирина Сергеевна, перейдем к делу.

Глава 2. НЕОБЪЯСНИМЫЕ СТРАННОСТИ

– Моего мужа зовут Алексей Николаевич, – начала свой рассказ посетительница, расположившись на одном из стульев, тогда как Пережётин устроился в своем кожаном вращающемся кресле. – Он на десять лет старше меня, но между нами царит полное взаимопонимание. Мы не только супруги, но и друзья, надеюсь, вы понимаете истинный смысл этой формулы. В былые времена, еще до нашего знакомства, Алексей был искусствоведом, довольно известным в городе. Но эта профессия, как почти и все прочие, относящиеся к сфере культуры, оказалась невостребованной в новых условиях. По признания мужа, он бедствовал, пребывал в состоянии стресса и уже смирился с мыслью, что лучшая часть жизни прожита. А затем один из его прежних коллег, человек по натуре более разворотистый, пригласил его в свою туристическую фирму экскурсоводом. Ведь Алексей знает основные европейские языки, как и историю культуры многих стран континента. Он стал выезжать с группами туристов за рубеж. В одной из поездок произошло наше с ним знакомство, и вот уже седьмой год мы вместе. Последняя его поездка, как раз накануне похищения картины, была в Испанию. Он должен был везти группу в Швецию, но тут заболел другой гид, и мужу пришлось подменить его. – Она вздохнула: – Извините за длинное вступление, но вскоре убедитесь сами, что эта информация не излишняя.

Народный эксперт молча кивнул.

Она выдержала небольшую паузу и продолжала:

– Моя профессия тоже относится к миру культуры и считается одной из самых низкооплачиваемых. Я – простой библиотекарь. Точнее, теперь уже старший библиотекарь, но по существу это ничего не меняет. А еще я немного рисую, но исключительно на любительском уровне, без малейших претензий, для души, и только карандашом. Никогда даже не пробовала смешивать краски. Позднее, под влиянием мужа, который остается верным рыцарем искусства, я стала бывать на различных выставках, вернисажах и в галереях. Поверьте, это тоже не излишняя информация, и вы вскоре поймете, почему.

– Послушайте, – не удержался Пережётин, – не нужно извиняться после каждой фразы. Раз уж я согласился вас выслушать, говорите так, как считаете нужным. Прерывать я вас не собираюсь. Ну, двигаемся дальше.

Она понимающе кивнула, явно воодушевленная его репликой, и заговорила вновь:

– У мужа в городе есть близкая родственница – родная тетка по матери. Когда-то, в пионерском возрасте Алексея, она много сделала для него, и муж до сих пор испытывает к ней чувство признательности. Между прочим, она занимала важный пост в органах городской культуры, еще в те, прежние времена. Зовут ее Елена Дмитриевна. По словам мужа, она всегда отличалась неподкупностью, честностью, принципиальностью и верой в светлое будущее. Живет она в огромной перенаселенной коммуналке, хотя и рядом с Невским. Могла бы когда-то, при ее должности, выхлопотать себе отдельную квартиру, но посчитала это недостойным поступком. Она и сегодня остается бодрой и боевой, несмотря на возраст. Муж считает своим долгом навещать ее дважды в месяц, иногда чаще. Поначалу он брал меня с собой, но общение с чрезмерно активной тетушкой действовало на меня угнетающе. Уже через пять минут мне начинало казаться, что у меня вот-вот лопнет голова. Поэтому я под разными предлогами отказывалась от этих визитов, и муж, кажется, понял мои мотивы. Наконец, по умолчанию, устроилось так, что я сопровождала мужа в гости к тетушке один-два раза в год, стараясь достойно исполнить эту тягостную обязанность. Ну, а муж навещал ее в своем прежнем режиме.

Пауза.

– Два слова о коммуналке, ибо истоки случившегося – там. В этом «дворце чудес», который, скорее, походил на восточный базар, чем на цивилизованное жилье, обитали не менее

полусотни жильцов. На кухне вечно о чем-то скандалили. А чего стоил коридор! Он такой огромный и широкий, что в нем свободно разминулись бы два автомобиля, если бы не бесчисленные старые шкафы, ящики и тумбочки, которые жильцы выставили вдоль стен. Тетушка любила повторять, что когда-то люди жили в этой коммуналке дружно и достойно, но мне что-то не верилось. Ну, какой покой может быть в коммуналке!

Одним из ее обитателей был художник Олег Омельев. По словам Елены Дмитриевны, он продавал свои творения туристам на Невском, на Конюшенной и в прочих бойких местах. Дверь его комнаты всегда была распахнута настежь, если, конечно, хозяин находился дома. Поневоле бросалось в глаза, что едва ли не две трети помещения заставлено его «шедеврами», – в основном, пейзажами популярных у туристов уголков города.

Мой муж еще до нашей встречи свел знакомство с этим типом. Полагаю, однако, что инициатива в их общении принадлежала Омельеву. Понимает, мой Алексей – человек коммуникабельный, и его очень легко втянуть в разговор, особенно на темы искусства. Скорее всего, Омельев узнал об основной профессии мужа и посчитал, что знакомство с опытным искусствоведем пойдет ему на пользу.

Так или иначе, с определенного момента визиты мужа к тетушке, нередко имели продолжение в комнате Омельева.

Как-то раз я тоже зашла с мужем к художнику, и мне активно не понравилось обилие пустых водочных бутылок в комнате. Кстати, муж никогда не выпивал с Олегом. Он, Алексей, вообще не пьет водку, только хорошее вино. Не понравилась мне и творческая манера Омельева: кричащие краски, какая-то небрежность в прописывании деталей, традиционный, уже набивший оскомину передний план. Словом, Омельев, как художник, был мне неинтересен. Я прямо сказала об этом мужу, он согласился со мной, но заметил, что у Олега есть искорка таланта, которую нужно пестовать.

А еще Алексей рассказал «по секрету», что у Омельева случались периоды запоя, когда он, человек тихий и незлой, начинал вдруг буянить, впадал в агрессивность, а затем устраивал суд над своими картинами, крича так, что его слышала вся огромная коммуналка. Часть картин он приговаривал «к смертной казни» путем сожжения. Затем выносил эти холсты в глухой тупик огромного разветвленного двора и разжигал костер, бросая в огонь одно полотно за другим. Назавтра он рыдал и жаловался, что уничтожил лучшие свои творения, повторить которые уже не сможет. Вот такой был человек, и я не испытывала ни малейшего желания общаться с ним. И знаете, мой Алексей оказался единственным, кто мог хоть в какой-то степени образумить этого чудака. Пару раз мужу удавалось отговорить Омельева от «пожарища», и тот, проспавшись, воздавал спасителю своих картин горячую благодарность.

Она перевела дух и продолжала:

– Итак, я вам обрисовала вкратце обстановку, на фоне которой произошли последующие события. Однажды вечером, два года назад, муж вернулся домой после очередного посещения тетушки и принес большой пакет, в котором находилась картина. Ее подарил, точнее, навязал ему Омельев. Дескать, Омельев готовил большой суд над своими картинами и сам боялся того, что может произойти. Поэтому, мол, он хотел спасти хоть что-то, и подарил мужу полотно под названием «Банковский мостик». Ну, тот самый, что рядом с Казанским собором. Грифоны с золотыми крыльями, канаты, уголок экономического университета сбоку и маслянистая поверхность канала Грибоедова. Никакой не шедевр, но написано было все же без свойственной Омельеву небрежности. Что ж, подарок есть подарок, и мы с мужем повесили картину в спальне, рядом с несколькими другими полотнами, собранными Алексеем еще в прежние времена.

А на следующий день, уже поздним вечером, позвонила Елена Дмитриевна и сообщила, что произошла ужасная трагедия. С наступлением темноты Омельев в очередной раз устроил сожжение своих картин, предварительно приложившись безо всякой меры к бутылке. Затем,

будучи, очевидно, в невменяемом состоянии, побежал к Аничкову мосту и бросился в воду. Спрыгнул он так неудачно, что ударился головой о нос большого прогулочного катера, который как раз выплывал из-под моста. Словом, когда этого безумца подняли из воды, он был уже мертв. Этот случай показали даже в телепередаче о городских происшествиях. Вот что еще: выяснилось, что Олег сжег на этот раз не какую-то часть своей коллекции, а все картины, до единой. Если бы не внезапная прихоть живописца, буквально силой навязавшего мужу «Банковский мостик», то погибла бы и эта картина. Чудом уцелев, она так и висела у нас на стене, как память о художнике, который, по мнению мужа, служил искусству в меру своего так и не раскрывшегося таланта. Прошло два года. Мы практически перестали вспоминать об Омельеве. И вот... – Виноградова запнулась.

– И вот, – повторил Пережёгин.

– Вчера днем мне на работу позвонил встревоженный муж. Он сообщил, что ему только что звонила тетушка. По ее словам, в коммуналку с утра нагрянули полицейские, большей частью в штатском, и начали расспрашивать жильцов об Омельеве, о том, с кем он общался и кому в последнее время продавал или дарил свои картины. Муж предложил, чтобы мы оба немедленно отпросились с работы и встретились дома для серьезного разговора. Он считал, что имеет смысл добровольно обратиться в полицию и сообщить, что у нас есть одна из последних работ Омельева. Он добавил также, что ему лично абсолютно непонятен этот внезапный интерес правоохранительных органов к творчеству забытого уличного художника, но, видимо, для этого есть какая-то весьма веская причина.

Алексей приехал домой первым. Когда я поднялась в квартиру, то нашла его в спальне. С отрешенным видом он стоял у кровати и смотрел на пустое пятно на стене. Да и я не сразу поняла, что картины на привычном месте нет. Она исчезла. Придя в себя, я бросилась проверять наши домашние тайнички. Документы, деньги, драгоценности – всё было на месте. Исчез только «Банковский мостик», хотя рядом с ним висели более ценные полотна.

– Позвольте! – прервал ее Пережёгин. – Не было холста, но рама-то оставалась?

– В том-то и дело, что не было ничего. Ни холста, ни рамы.

– Каким же образом рама оказалась у вас?

– Объясню чуть позже, чтобы не прерывать хронологии событий. Не прошло и четверти часа, как во входную дверь требовательно постучали. Приехала полиция. Стражи закона тотчас принялись расспрашивать мужа о картине. К уверениям, что «Банковский мостик» похитили именно в этот день, может, только что, они отнеслись скептически. Алексею объявили, что он задерживается по подозрению в причастности к хищению ценного произведения искусства. Его увели. А у меня взяли подписку о невыезде. Едва за последним из сыщиков закрылась дверь, как я позвонила владельцу турфирмы, где работал муж, и объяснила ситуацию. Владелец заверил меня, что тотчас подключит к делу своего адвоката.

Не зная, чем успокоить себя, я решила спуститься во двор. На площадке первого этажа увидела дворника-гастарбайтера, который держал в руках пустую раму от нашей картины и рассматривал ее. Я налетела на него, как коршун, и потребовала объяснений.

Кое-как, с грехом пополам, мешая русские и узбекские слова, перепуганный дворник сообщил, что нашел эту раму перед дверью в подвал, где он хранил свой инвентарь.

Очевидно, похитители торопились, подумала я, либо же опасались задерживаться в квартире даже на пять минут. Возможно, они были в курсе того, что мы с мужем должны вот-вот вернуться домой, и предпочли вырезать холст из рамы в подвальной нише, где их никто не мог бы заметить. Затем свернули холст в рулон, засунули тот в тубус и спокойно вышли на улицу.

Пережёгин какое-то время обдумывал услышанное.

– В этой истории много странностей, и их следует зафиксировать, – сказал, наконец, – Первая странность: художник подарил картину вашему мужу и на следующий день погиб, а перед этим сжег весь свой творческий багаж. Очевидно, что Омельев чего-то опасался.

Но почему уцелел именно «Банковский мостик»? В этом, несомненно, есть некий скрытый смысл. Вторая странность: спустя два года после смерти неведомого широкой публике уличного художника «антикварный» отдел полиции внезапно заинтересовался его творчеством. С чего бы вдруг такое внимание? Третья странность: именно в тот момент, когда сыщики опрашивали жильцов коммуналки, как возможных свидетелей, кто-то похитил разыскиваемую картину из вашего дома, притом, в большой спешке, словно опасаясь, что его застанут на месте преступления. Складывается впечатление, что вор, а точнее, заказчик этой кражи, имел своего информатора в «антикварном» отделе. Между прочим, тот сильно рисковал, передавая сообщение непосредственно из коммуналки. Значит, «Банковский мостик» – картина не простая, а с каким-то секретом. Кстати, дверь вашей квартиры была взломана?

– В том-то и дело, что нет. Краешком уха я слышала разговор двух полицейских касательного того, что на замке нет никаких царапин, его, мол, определенно открывали «родным» ключом. Как я понимаю, это обстоятельство тоже играет против Алексея.

– К сожалению, это так, – кивнул Пережёгин. – И всё же с ключом разобраться можно. Пока же, честно говоря, меня больше всего ставит в тупик четвертая странность: кто тот источник, от которого полиция узнала, что Омельев подарил картину именно вашему мужу? Ясно только одно: источник находится внутри коммуналки, это один из жильцов. Итак, имеем огромное коммунальное общежитие, где люди ежеминутно, особенно по вечерам, после окончания рабочего дня, снуют туда-сюда, входят и выходят с ведрами, сумками, пакетами и прочим хозяйством. Это мельтешение, как правило, надолго не задерживается ни в чьей памяти. Но кто-то всё же приметил, что ваш муж выносит именно картину, хотя та, как я понимаю, была упакована и перевязана, верно? Однако этот «кто-то» не только приметил картину в руках Алексея, но и твердо помнил об этом факте на протяжении двух долгих лет, и при появлении полиции сообщил ей об этом. Скажите, этим источником не могла быть тетушка вашего мужа?

– Елена Дмитриевна? Ну, что вы! Тетушка никогда не сделала бы ничего такого, что могло бы принести хотя бы косвенный вред Алексею. Кроме того, она, полагаю, вообще не догадывалась, что Алексей получил от Олега подарок. Это действительно странно, но, по словам мужа, дело было так. Он попрощался с тетушкой и уже находился на выходе из коммуналки, когда его догнал Олег и вручил ему картину, завернутую в упаковочную бумагу и перевязанную шпагатом. Скорее всего, никто из жильцов не видел этой сценки. А если и видел, то вряд ли имел основания удерживать ее в памяти.

– Хм, – крикнул Пережёгин, – значит, загадка спрятана глубже, чем могло бы показаться. Ладно, не будем бежать впереди паровоза. Итак, имеем четыре странности. Да еще эта рама. Кстати, Ирина Сергеевна, а почему вы не отнесли раму в полицию?

– Боюсь, что тогда меня арестовали бы, как соучастницу, и я лишилась бы возможности помочь мужу. Обратившись же к вам, я не теряю надежды. Но подождите, Петр Мефодьевич. Это еще не все странности, ведь мой рассказ далек от завершения. Возможно, по его ходу вы получите некоторые ответы.

– Ну, так продолжайте, – поощрительно кивнул он.

Глава 3. ДВА ПОРТРЕТА

Виноградова достала из сумочки конверт, а из него извлекла два карандашных рисунка. Придвинула их по столу к Пережёгину со словами: – Полагаю, именно эти люди побывали в нашей квартире и выкрали холст.

«Народный эксперт» всмотрелся в рисунки.

На одном из них был изображен мужчина зрелых лет с грубоватой, даже «топорной» физиономией. Второй рисунок изображал красивую молодую брюнетку с тонкими чертами лица.

– Потрясающая оперативность, – заметил владелец бюро. – Но каким же образом вам удалось определить наружности грабителей? Между прочим, черты лица этого типа, – он постукивал полусогнутым пальцем по мужскому портрету, – напоминают, скорее, фоторобот, тогда как женщина будто списана с натуры.

Посетительница кивнула:

– Вы абсолютно правы. А дело было так. Вернув, по воле случая, раму от картины, я подумала о том, что ведь могу сделать еще что-нибудь для спасения мужа. Я вышла во двор и огляделась. В нашем дворе расположена просторная детская площадка, а чуть сбоку от нее – крохотный скверик. По периметру площадки тянутся скамейки, на которых в течение всего светового дня обычно сидят молодые мамы с колясками и старушки-пенсионерки. Но, как нарочно, незадолго до этого прошел дождь, и все скамейки были мокрыми, а потому пустыми. И тут я заметила, что в скверике, под защитой кустов сирени, расположилась пестрая компания людей бомжеватого вида. Судя по количеству пустых жестянок из-под пива, валявшихся под их скамейкой, кайфовали они уже давно, значит, могли что-то заметить. Я знала, что с той скамейки наш подъезд проглядывается, как на ладони. В обыденной обстановке я побоялась бы подойти к этим грубым людям, но ведь речь шла о том, чтобы доказать невиновность мужа. Преисполнившись несвойственной мне отваги, я приблизилась к ним и вступила в разговор, каким-то чудом находя нужные слова. И они, эти классические бомжи, не прогнали меня и не стали отнекиваться, напротив, выразили сочувствие и поведали много интересного.

– Ну-ка, ну-ка, – сощурился Пережёгин.

– Они сообщили мне, что не так давно видели на уединенной дорожке, что тянется за детской площадкой вдоль гаражей, чужого человека с тубусом под мышкой.

– Что значит – чужого?

– Вот и я задала им тот же вопрос. Они объяснили: допустим, я подседа к ним, и любой прохожий со стороны скажет, что я чужая в их компании. Вот и этот человек был чужим во дворе. Он вышагивал взад-вперед, будто поджидал кого-то, нервничал, поглядывал на часы, стараясь укрыться от дождя под кронами деревьев. Они даже поспорили, кого он ждет: собутыльника или женщину? Оказалось – женщину. Но когда та появилась, бомжи удивились еще больше, потому что женщина отличалась необыкновенной красотой и явно была чужой этому мужчине. Тем не менее, они сошлись и принялись что-то тихо обсуждать между собой. Спустя несколько минут у женщины зазвонил мобильник в ее крокодиловой сумочке. Она достала трубу и выслушала кого-то, не проронив ни слова в ответ. Затем оба направились к подъезду, из которого вышли минут через пять-десять, быстро двинувшись под арку. Мужчина нес все тот же тубус, но теперь уже в руке.

Виноградова подняла на собеседника печальные серые глаза:

– Я говорила вам, что немного рисую. Вот и набросала по рассказам бомжей портреты подозрительной парочки. После нескольких проб они единодушно согласились, что получилось вполне похоже. Дома я перерисовала эти наброски, и сейчас они перед вами. Мужчину я

не видела никогда, и мой набросок, вы абсолютно правы, фактически является фотороботом. Другое дело – женщина. Я видела ее, причем пару раз, на выставках. Такое прекрасное, чистое лицо трудно не запомнить. В ее сторону поглядывали, я говорю о выставках, многие другие посетители. Невольно я услышала разговор двух пожилых дам, обсуждавших эту красавицу. Опять же невольно, в мою память врезалось, что ее зовут Дина Цыганова. Ей, видимо, уже за тридцать, хотя выглядит она на 27-28. Одевается стильно, со вкусом, пользуется дорогой косметикой и вообще живет, судя по манерам, на широкую ногу. Вот, пожалуй, и всё, что я о ней узнала, хотя теперь жалею, что не стала подслушивать дальше. Так или иначе, образ этой красавицы до сих пор стоит у меня перед глазами, поэтому и портрет получился, словно выполненный с натуры.

Пережёгин, между тем, передвигал рисунки по столу, меняя их местами и внимательно вглядываясь в изображения.

– По-видимому, не нужно спрашивать, почему вы не отнесли эти фотороботы, назовем их так, в полицию?

– Помилуйте, там решат, что я выдумала историю с бомжами, лишь бы обелить мужа. Самое обидное, что они ведь и проверять не станут.

– Что ж, если ваши бомжи ничего не напутали, то расклад получается такой. Эта красавица – доверенный агент антикварной мафии. Ее сообщник – опытный квартирный вор, умеющий открывать замки, не оставляя следов. Он бы и сам, этот вор, мог взять картину. Но, очевидно, только Дина могла определить, тот ли это холст на самом деле. Значит, мужчина пришел на дело с тубусом? Это очень важная деталь. Ну-ка, покажите мне раму.

Некоторое время «народный эксперт» осматривал раму со всех сторон, затем начал проводить над ней ладонью, почти не касаясь ею дерева.

– Я оставлю ее у себя, не возражаете?

– Именно вам я ее и принесла.

– Вот и хорошо. Но начать всё же следует с выяснения того, кто именно указал полиции на вашего мужа. В этом эпизоде кончик ниточки, разматывая которую мы доберемся до истины. Скажите, Ирина Сергеевна, в тот день, когда Омельев подарил вашему мужу картину, в коммуналке не произошло ничего странного?

– Ну, как же! – воскликнула она. – У мужа пропали золотые часы. Будучи в гостях у тетушки, он случайно угодил рукой в майонез и пошел отмывать ее в ванную. Там снял по привычке часы и положил их на полку. И, конечно, возвращаясь в комнату тетушки, забыл о них. Спихватился только минут через двадцать. Поспешил в ванную, но часов на полке уже не было. Поднимать скандал не в его характере. Так и ушел домой без часов.

– Золотые часы? – оживился Пережёгин. – Это интересно. Это очень важный факт. Он долго носил эти часы?

– Они у него были еще до нашей свадьбы.

– Замечательно. Просто замечательно. Вот что, уважаемая Ирина Сергеевна, принесите мне нынче вечером, скажем, часикам к семи, какую-нибудь старую вещь, которой постоянно пользовался ваш муж. Ну, не знаю, его бритву или домашние тапочки.

– А поясной ремень подойдет? – спросила она. – На его дачных брюках есть ремень, которым он подпоясывался, по его рассказам, чуть ли не со студенческих лет.

– Это то, что нужно. Жду вас не позднее семи. Мне нужно задать вам еще несколько вопросов, но на свежую голову.

– Я приду раньше. Заодно расскажу вам о своей беседе с адвокатом, с которым мы должны встретиться после обеда.

Глава 4. БЕССИСТЕМНЫЕ ПРИКИДКИ

Оставшись один, Пережёгин придвинул к себе позолоченную раму и некоторое время изучал ее. Естественно, в своей, мало понятной для постороннего манере. Проглаживал ее ладонью, осматривал стыки, обратную сторону, снова переворачивал...

Отодвинув раму от себя, он взялся за рисунки.

Долго вглядывался в них, как бы стараясь заметить скрытые особенности карандашных линий.

– Нет, – вздохнул, наконец. – Пока – полный ноль.

Поднявшись, он вышагивал какое-то время по кабинету, затем остановился у окна, разглядывая с высоты своего третьего этажа тесный замкнутый дворик.

Там, внизу, в самом углу, у глухой стены громоздился мусорный контейнер, в содержимом которого ковырял палкой еще не старый, обросший бородой бомж в засаленной куртке, давно уже «пасшийся» на этом участке.

– Ладно, – крикнул Пережёгин, – без визита к генералу в этом деле, кажется, не обойтись.

Он вернулся к столу, взял рисунки и отошел к угловой тумбочке, на которой пылился ксерокс.

Нажал кнопку, другую, и вот уже у него в руках оказались копии рисунков.

Выудив из ящика стола пухлый планшет для визиток, он долго перебирал карточки, которые, похоже, были перемешаны безо всякой системы.

Наконец, нашел нужную: – Ага!

Сверясь с ней, набрал на мобильнике номер.

– Мой генерал? – уточнил на всякий случай, хотя голос узнал сразу. – Как ваше драгоценное здоровье?

Слушая ответы, он часто кивал и в какой-то момент напористо осведомился: – Значит, мы можем встретиться сегодня? Ну, спасибо огромное, буду через 45 минут.

Закончив разговор, он уселся за компьютер, набрал на нем крупными буквами короткий текст в виде официального объявления и распечатал его на принтере.

Пару экземпляров сунул в портфель, вместе с ксерокопиями рисунков.

Раму повесил на гвоздике в шкафу и вышел из кабинета, заперев за собой дверь.

Глава 5. ВИЗИТ К «КОРИФЕЮ СЫСКА»

Ровно через три четверти часа Пережёгин звонил в дверь квартиры, расположенной в старинном здании на Петроградской стороне. Когда-то этот дом считался престижным, но, подобно тому, как рушатся карьеры у некоторых высоких чинов, строение это тоже обветшало, хотя и сохраняло еще отдельные следы былой респектабельности.

Дверь открыл высокий, худощавый ветеран далеко за семьдесят, с суровыми чертами лица.

Еще лет этак... впрочем, точная дата неважна, Евгения Константиновича Морозова, называли грозой криминального мира, прочили ему генеральские погоны и место на милицейском олимпе. Но уже в новые времена он не угодил присланному из первопрестольной вальжанному выдвиженцу и, несмотря на свою легендарную выдержку, поддался эмоциям, подав сгоряча в отставку, которая тотчас была принята.

Уволился Морозов из органов полковником, хотя многие из его окружения, в том числе Пережёгин, называли его «мой генерал».

Они, «народный эксперт» и милицейский неподкупный офицер – «корифей сыска», познакомились еще в ту пору, когда хозяин квартиры носил майорские погоны и вел нашумевшие дела, требовавшие, скажем так, нетрадиционного подхода. Профессиональные качества, которые они обнаружили друг в друге, обусловили их взаимную симпатию. Майор время от времени приглашал Пережёгина для так называемых консультаций, хотя никогда не афишировал эту связь.

Пережёгин, в свою очередь, иногда обращался к майору за информацией, особенно после того, как открыл «Бюро находок».

Эта ниточка, протянувшаяся между ними, была довольно эфемерной, поскольку встречались они едва ли раз-другой в год.

А уж после того, как полковника выпроводили в отставку, и вовсе, казалось бы, исчез повод для контактов.

Но Пережёгин первое время звонил полковнику даже чаще, чем раньше, понимая, что тот нуждается в моральной поддержке.

А затем понадобились и личные встречи.

Дело в том, что Морозов, с его профессиональной памятью, продолжал следить по открытым каналам за деятельностью родного ведомства и поддерживал контакты с отдельными, наиболее доверенными членами своей бывшей команды.

Иными словами, несмотря на отставку, полковник имел весьма полное представление о криминогенной обстановке в городе, и в тех редких случаях, когда очередной поиск Пережёгина требовал выхода на конкретных персоналий, «народный эксперт» обращался к Морозову по старой памяти, стараясь, впрочем, не надоедать отставному «корифею сыска».

После смерти жены, полковник обитал в своей трехкомнатной квартире один; двое его сыновей проживали отдельно и вспоминали об отце лишь по большим праздникам.

Одну из комнат Морозов превратил в полноценную специализированную библиотеку с прилегающим к ней архивом. Здесь же, в стальном сейфе, находилась картотека на преступников, которую хозяин вел на протяжении десятков лет. Он по-прежнему делал тематические вырезки статей из газет и журналов, распечатывал последние сводки из Интернета. Многочисленные папки его архива продолжали распухать, к их рядам добавлялись новые.

По слухам, полковник писал «честную книгу» о борьбе с криминалом в северной столице, начиная с послевоенных времен, но о работе над ней ни с кем никогда не открывался.

– Здравствуйте, мой генерал! – приветствовал хозяина Пережёгин. – Рад видеть, что вы пребываете в бодром состоянии духа.

– Здравствуй, Петя! А дежурные комплименты оставь для дам. Вот тебе тапочки, переобувайся и проходи в кабинет. Перейдем сразу к делу. Без предисловий.

– Евгений Константинович, вопрос у меня простой, как всегда, – начал Пережёгин, едва они расположились за столом. – Взгляните на эти два рисунка и скажите, не отмечены ли данные субъекты в вашей картотеке.

Сверху лежал карандашный портрет Дины.

Морозов довольно долго разглядывал его, но, кажется, вовсе не потому, что пытался напрячь память.

– Замечательно красивая женщина, – констатировал, наконец. – Если бы она, хотя бы косвенно промелькнула в каком-нибудь деле, пусть даже в качестве свидетельницы, я обязательно запомнил бы столь выдающуюся фактуру. Впрочем, нельзя исключить, что она из новой популяции криминалитета. Так сказать, поколение next. У тебя есть ее пальчики?

– Обижаете, – мотнул головой Пережёгин. – Вы же знаете, пальчики, анализы ДНК, потожировые пятна и всё такое прочее – не мой метод. Если я ищу людей, то лишь затем, чтобы выйти через них на пропавшие вещи.

– Ну, и какая же вещь пропала на этот раз?

– Картина маслом. В буквальном смысле. Так сказать, полотно малоизвестного живописца.

– Ну-ну! – хмыкнул полковник. – Тогда я вряд ли смогу тебе помочь. Не мой профиль. У меня, знаешь ли, тоже своя специфика.

Он отложил верхний рисунок в сторону и, едва взглянув на нижний, щелкнул по нему пальцем.

– Да это же Ключник!

– Ключник?

– Известный когда-то рецидивист Храпов Геннадий Федорович, по кличке Ключник. Начинал как квартирный вор, легко вскрывал замки любой конструкции. Такой, понимаешь, вручила ему матушка-природа талант. По слухам, изобрел универсальный ключ с регулируемыми бородками, но в глаза этого инструмента никто никогда не видел. Затем переквалифицировался в «медвежатника» – взломщика сейфов. Отличался исключительной удачливостью. Имел всего лишь две отсидки, да и те на заре своей воровской карьеры. Были подозрения, что он участвовал в ряде крупных ограблений, но всякий раз дело прекращалось за недоказанностью улик. А затем, лет семь или восемь назад, он как-то вдруг «завязал». Исправился, понимаешь ли. Хотя жил на широкую ногу, деньжата у него определенно водились.

– Может, и вправду исправился, а жил на накопления прежних лет?

– Эх, милый! Исправился – это я пошутил так неудачно. Ключник из тех личностей, о которых говорят «горбатого могила исправит». По большому счету, ему даже и не деньги нужны, а риск, адреналин в крови, ощущение собственного превосходства в мастерстве. Не может такой генотип ни с того ни с сего превратиться в добропорядочного обывателя. Для него это смерти подобно. Определенно, у него есть какой-то незаконный промысел, весьма хитроумно замаскированный. Я пытался в свое время подобраться к этому субъекту через свою агентуру, да не успел. – Морозов строго посмотрел на гостя: – Позволь, а у тебя какой к нему интерес?

– Еще не знаю, – вздохнул Пережёгин. – Но есть основания полагать, что именно он, на пару с красавицей, чей портрет так вас взволновал, сподобился похитить у моей клиентки картину, не представляющую художественной ценности.

– Картину, не представляющую ценности? – удивился хозяин. – Стал бы он, мастер высшего воровского пилотажа, связываться с какой-то ерундой.

– Нет слов, история загадочная, но пока факты указывают именно на Ключника. Полиция в этом направлении не копает, по крайней мере, в настоящее время. Стало быть, у меня развязаны руки, и я смогу помочь моей клиентке, не нарушая условий моей лицензии.

– Ох, и хитер же ты, братец! – погрозил ему пальцем полковник. – Ладно, чем я могу тебе еще помочь?

– Не подскажите, где берлога этого Ключника?

– погоди-ка, достану свою картотеку, – Морозов встал с кресла и прошагал к сейфу, заслонив его собой.

Только сейчас, по его походке, Пережёгин с грустью понял, насколько состарился бывший бравый майор, и с какими усилиями он поддерживает себя в нужной форме.

Полковник порылся в одном из ящичков, вроде тех, что используются в библиотеках, и выудил оттуда карточку.

Вернулся в свое кресло, держа маленький картонный прямоугольник прямо перед собой, «рубашкой» к Пережёгину. Старая ментовская привычка воистину неискоренима!

– Так вот, – заговорил хозяин. – Ключник родился в обычной питерской коммуналке, в которой он, вот парадокс, прописан до сих пор. Но, заверяю тебя, после первого своего дела в ней он не появлялся более ни разу. Позднее, в период своих криминальных «подвигов», он имел целую систему «берлог», где успешно скрывался от облав. Впрочем, это дела давно минувших дней. А сейчас, и это достоверные сведения, он проживает, без регистрации, в Лахте, в дом своей тетки. Запиши адрес...

Некоторое время царило молчание.

Затем полковник произнес:

– Вот что еще, Пётр... Ключник – это тебе не какой-нибудь пацан, у которого перехватывает дыхание при виде полицейской корочки. Это матерый волчара. Он, между прочим, владеет искусством нанесения болевых приемов. Не успеешь опомниться, как окажешься на полу в бессознательном состоянии, при этом окружающие так и не поймут, что же произошло. Если же он почувствует смертельную опасность, а интуиция у него звериная, то может пустить в ход оружие. Оружием же в его руках может стать всё, что угодно, даже обычная скрепка для бумаг. – Морозов строго посмотрел на гостя: – Ты подумай, Петя, надо ли тебе, не имея надежной защиты за спиной, ввязываться в это дело, да еще из-за картины, не имеющей художественной ценности. Ей-богу, ищи лучше колечки, утерянные рассеянными дамами. Спать будешь спокойней.

– Ладно, – кивнул Пережёгин. – Спасибо за совет, но ведь и мы не лыком шиты. Притом, я уже обещал своей клиентке, что найду пропажу.

– Как знаешь, я тебя предупредил.

Они попрощались.

Глава 6. ВАЖНЫЕ НОВОСТИ

Клиентка уже дожидалась Пережёгина у закрытой двери его кабинета.

По ярким огонькам в серых глазах Виноградовой, по нетерпению, которое читалось во всем ее облике, нетрудно было догадаться, что дама принесла не только обещанный ремень, но и свежие новости, причем весьма неоднозначные.

Отперев дверь, «народный эксперт» пропустил женщину вперед:

– Располагайтесь и рассказывайте.

Он сам еще не успел устроиться, как следует, в своем вращающемся кресле, а Виноградова уже дала выход переполнявшим ее эмоциям:

– Петр Мефодьевич, я только что беседовала с адвокатом! Некоторые загадки, точнее, странности, из тех, что вы перечислили при первой нашей встрече, прояснились. Но одновременно открылись другие обстоятельства, которые ставят Алексея в еще более тяжелое положение. Теперь уж точно, вся надежда только на вас!

– Так-так, давайте по порядку. Какие именно загадки-странности прояснились?

– Адвокату удалось выяснить, что недавно Интерпол задержал группу антикварных мошенников. Они находились под наблюдением в течение нескольких лет, и, наконец, их взяли с поличным. Один из задержанных согласился сотрудничать со следствием и начал давать показания. Он рассказал, в частности, о русской ветви международной антикварной мафии. По этой ветви через Россию перевозили с Запада на Восток и в обратном направлении ценности, похищенные из музеев и частных коллекций. В основном, произведения живописи. Одним из перевалочных пунктов был наш город. Мошенники имели здесь на содержании своего художника, который по их указке закрашивал украденный шедевр каким-нибудь расхожим туристическим сюжетом, и далее полотно перевозилось до конечного пункта уже в таком виде. Затем верхний, свежий слой краски смывался, и шедевр предстал во всей своей первоначальной красе. Якобы существуют специальные технологии на этот счет. Мне, естественно, все подробности неизвестны, но суть, вкратце, такова. Художником, состоявшим на службе у мафии, был ни кто иной, как Омельев! Да-да! Я сначала ушам своим не поверила, но, увы, именно эту фамилию назвал Похититель, обозначим его так. По словам Похитителя, последним заказом для Омельева была закрутка выкраденной из зарубежного музея картины «Маки», принадлежавшей кисти одного из известнейших французских импрессионистов 19 века. Омельев выполнил заказ, изобразив поверх полотна Банковский мостик с грифонами. Оставалось лишь подождать, пока свежая краска просохнет, после чего замаскированный таким образом холст надлежало забрать курьеру мафии. Но случилось непредвиденное. Омельев впал в страшное нервное расстройство, сжег все свои картины, в том числе, предположительно «Маки», и покончил с собой.

– Любопытная версия, – покачал головой Пережёгин. – Она действительно многое рассказывает по своим полочкам. Стало быть, мафия поверила, что ввапший в депрессию Омельев сжег вместе со своими творениями и закрашенные «Маки»?

– Из показаний Похитителя следует, что это не так. Мафия посчитала, что в ситуацию, скорее всего, вмешалась какая-то третья сила. Какой-то другой охотник за шедеврами. Возможно, конкурент. Он вычислил Омельева и пообещал ему очень крупное вознаграждение, если тот сыграет по его сценарию. Омельев согласился, даже не подозревая, что его водят за нос. В результате картина исчезла, а художник якобы покончил с собой, хотя в действительности его убрали, как лишнего свидетеля. Такова версия, которая будто бы появилась у аналитиков антикварной мафии, – подчеркнула Виноградова.

– Ну, эти аналитики тоже не боги, – отозвался Пережёгин. – Согласен, возможно, третья сила была. Но и Омельев оказался не так прост. Для подстраховки он использовал вашего мужа втёмную, передав ему картину в расчете на то, что позднее, когда шум уляжется, он заберет ее под каким-либо благовидным предлогом. Но и Омельев не всё просчитал, заплатив за ошибку собственной жизнью. А картина чудесным образом выпала на два года из поля зрения не только мафии, но и неведомой третьей силы, а также Интерпола. – Он поднял глаза на Виноградову: – Полагаю, Интерпол буквально на днях передал сведения, касающиеся Омельева, нашей полиции, и ее сотрудники начали действовать по своим каналам. Но какими путями наши доблестные пинкертонеры вышли на вашего мужа, ума не приложу. Кстати, что вы там говорили о его ухудшившемся положении?

– Да ведь антикварных мошенников арестовали в Испании! – воскликнула Виноградова. – Как раз после того, как муж возил туда экскурсию. Надо же было случиться такому совпадению! А ведь он не должен был ехать в Испанию, это был не его тур, я вам уже говорила.

– Да-да, я помню, – Пережёгин надолго задумался. – Нет, – покачал головой после паузы. – Если бы аресты в Испании выводили на вашего мужа, то к вам пришли бы сразу. Нашим сыщикам не было бы тогда никакой нужды высаживать целый десант в коммуналке. Именно там, в коммуналке, они нашли ниточку, которая привела их в вашу квартиру. Но кто им вручил эту ниточку? Кто этот таинственный свидетель, который запомнил, что два года назад ваш муж вышел из квартиры с картиной в руках? Именно это надо установить в первую очередь. А затем разматываем клубок, но в другую сторону, и он обязательно приведет нас к картине, если она, конечно, еще цела. Однако не будем бежать впереди паровоза, – подытожил Пережёгин. – Вы принесли ремень?

– Конечно, вот он, – она достала из сумочки туго свернутое кожаное кольцо и протянула его собеседнику.

Тот распрямил потертую ленту во всю длину, осмотрел со всех сторон, ощупал пряжку. Ладонью провел по ней в обоих направлениях.

– Очень хорошо. Кстати, у меня тоже есть новости, – с этими словами он передал Виноградовой ксерокопию выполненного ею мужского портрета: – Я установил личность этого человека. Это вор-рецидивист. Специализация – бесшумное вскрытие чужих замков. Имя – Храпов Геннадий Федорович. Кличка соответствует «профессии» – Ключник. Полагаю, именно он проник в вашу квартиру вместе с очаровательной напарницей. Теперь я собираюсь нанести ему ответный визит. Тоже тайный.

– Вам известен его адрес? – удивилась она.

– Да, подсказал один добрый человек... – Пережёгин выложил на стол бумажку с записью, сделанной в квартире Морозова. – Вот, взгляните. Это в Лахте, недалеко от вокзала. Знакомые места.

Она заглянула в бумажку, затем снова перевела взгляд на ксерокопию:

– Вы сказали – рецидивист. Наверное, это очень опасный человек? В его чертах чувствуется что-то безжалостное, неумолимое.

– Я не собираюсь вступать с ним в контакт. Говорю же, визит будет тайный. Просто хочу проверить, не там ли прячут шедевр, дорисованный Омельевым.

– Вы поедете в Лахту завтра? – продолжала допытываться она.

– Завтра утром я загляну в известную вам коммуналку. Попробую отыскать тот самый кончик ниточки. Есть еще кое-какие дела. Так что Лахта, скорее всего, отодвинется на послезавтра. А почему вы спрашиваете?

– Хочу напроситься в ваши попутчицы. Чего ради мне целый день маяться от безысходности? К тому же, я могу оказаться вам полезной. Я не истеричка, поверьте.

– Ирина Сергеевна, это деликатный визит. Лишние участники тут ни к чему.

– Обещайте, по крайней мере, держать меня в курсе происходящего.

– На этот счет не волнуйтесь. Выходить на связь буду регулярно. Притом, что и у вас могут появиться интересные новости.

Глава 7. ОСМОТР «БАВИЛОНА»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.